

24/4-93

1/25

402
476.

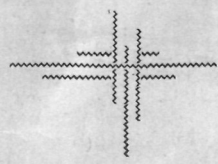
В. ГУБАРЕВИЧЪ.

МАЛЕНЬКІЕ АЗІАТЫ.

РАЗСКАЗЫ
ИЗЪ БУХАРСКОЙ ЖИЗНИ

ИЗДАНИЕ Н. Н. МОРЕВА.

Морев

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная улица, домъ № 6.
1900.

1884

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Ноября 1898 года.

доп. 3419

МЕХТЕБЪ.*)

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ БУХАРСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Хуссеинъ поступаетъ въ школу.

уза-Гуль, Руза-Гуль! милая сестренка! ты знаешь, рѣшено!

— Что рѣшено, милый Хуссеинъ?

— Рѣшено отдать меня въ мехтебъ. Отецъ говоритъ, что мнѣ пора уже учиться!

— Ай, ай, ай, какое горе! Ты не будешь ужъ больше играть со мной?

— Глупая! развѣ мальчикъ можетъ вѣчно играть съ дѣвочкой!

Такъ говоритъ маленькій Хуссеинъ. Ему восемь лѣтъ; онъ худенькій, верткій мальчикъ; его смуглая кожа не боится ни вѣтра, ни жары; его черные глазки съ торжествомъ смотрятъ на сестренку. Та такая же черненькая, худенькая, а бѣлые зубки ея такъ и сверкаютъ при улыбкѣ. На дѣтяхъ ситцевые красные халатики; голова мальчика вся обрита наголо, только на макушкѣ оставленъ пучокъ волосъ, который заплетенъ въ тоненькую косичку: это значитъ, что онъ любимецъ отца. Волосы дѣвочки заплетены въ четыре косички; пальцы ея покрыты кольцами, на рукахъ

*) Въ Бухарѣ существуютъ два рода школъ: „мехтебы“ и „медрессы“; первыя школы для первоначальнаго обученія, вторыя—для высшаго.

браслеты, а въ ушахъ тяжелыя серьги. Брови накрашены: это ей мать шутя накрасила. На ея головѣ накинута красненькій платочекъ, а въ косичкахъ къ косоплеткамъ прицѣплены монетки, бусы и камешки, — все это звенѣло при каждомъ движеніи дѣвочки. На головѣ мальчика была круглая шапочка—тюбитейка.

Дѣти сидѣли на крышѣ: это ихъ любимое мѣсто.

— Завтра, завтра! снова заговорилъ мальчикъ: —завтра я пойду въ школу. Мать ужъ готовится къ пиру, а отецъ пошелъ закупать подарки для учителя...

Солнце сѣло. Ихъ дворъ былъ чисто выметенъ; по срединѣ былъ небольшой прудъ, а надъ нимъ склонялъ свои вѣтви старый карагачъ *). Большой заборъ отдѣлялъ дворъ отъ улицы; вокругъ двора было нѣсколько избушекъ изъ глины: въ одной жилъ отецъ и принималъ въ ней мужчинъ, въ другой—мать съ дѣтьми, въ третьей—прислуга. Всѣ эти домики соединялись между собою крытыми террасами. А за домиками, точно лѣсъ, шумѣлъ огромный фруктовый садъ; тамъ по травѣ гуляла корова, лошадь и два барана. Къ наружному забору, въ углу двора, была приставлена глиняная печь; передъ ней сидѣла мать дѣтей и пекла лепешки. Пламя освѣщало уголь, и въ немъ было такъ уютно, что дѣти слѣзли съ крыши и присосѣдились къ матери.

Ночь спустилась незамѣтно и окутала и дѣтей, и мать, и домики, и садъ—все, все своимъ мракомъ...

Завтра торжество! Скоро ли завтра?..

Наконецъ и утро... Солнышко только-только еще показало свой красный отблескъ изъ-за горъ. На дворѣ Хуссеина все приготовлено. На террасѣ около домика отца разложенъ большой коверъ; тутъ на подносѣ лежитъ цѣлая груда силяу **) для учителя: тутъ прекрасный суконный халатъ, канаусовая сорочка и панталоны

*) Любимое дерево мусульманъ, изъ породы вязовъ.

**) Силяу—подарокъ, подношеніе.

и наконецъ и чиги*), а къ нимъ калоши, да какія прочныя! Мать вышла изъ своей избушки и вынесла прекрасную вышитую тюбитейку.

Отецъ, въ красномъ ситцевомъ халатѣ и чалмѣ изъ бѣлой кисеи, намотанной на головѣ въ видѣ клубка, черныхъ ичигахъ и большомъ серебряномъ поясѣ, вышелъ изъ своего дома и, осмотрѣвъ, все ли въ порядкѣ, крикнулъ сына. Хуссеинъ еще не одѣтъ: матери некогда, она готовить чай.

Отецъ и сынъ залѣзаютъ на крышу и съ нетерпѣніемъ смотрятъ вдоль улицы и ждутъ, не дождутся учителя. Вотъ наконецъ издали показался учитель. Онъ важно выступалъ въ своей громадной бѣлой чалмѣ, не глядя по сторонамъ, ибо это—неприличіе.

Отецъ встрѣчаетъ его въ дверяхъ. Учитель неторопливо входитъ—длинный, сухой, въ сѣромъ скромномъ халатѣ, бѣлой чалмѣ и такомъ же поясѣ; на длинномъ носу огромныя синія очки; большая бѣлая борода закрываетъ всю грудь.

Хуссеинъ спрятался за спину отца и съ любопытствомъ, какъ мышонокъ, выглядываетъ изъ-за спины отца. Но мулла—учитель—не хочетъ видѣть продѣлокъ ребенка; онъ важно протягиваетъ руку хозяину.

— Селямъ-алейкумъ, мулла Рахметъ-Али! (здравствуй, учитель Рахметъ-Али!) говоритъ отецъ.

— Алейкумъ-селямъ, Богуэддинъ-Хасанъ-бай (здравствуй, Богуэддинъ-Хасанъ купецъ!).

Хозяинъ обѣими руками беретъ руку муллы, пожимаетъ ее крѣпко и ведетъ гостя къ ковру. Тутъ они садятся по-турецки на пятки. Мальчикъ прячется за одну изъ колоннъ, что поддерживаютъ потолокъ террасы, но отецъ зоветъ его... Страшно! хотъ провались...

Красный, опутивъ глаза въ землю, выступаетъ ма-

*) Ичиги—шагреновые высокіе сапоги безъ каблучковъ, сшитые безъ особыхъ подошвъ цѣликомъ изъ кожи, какъ чулки.

ленькій дикарь передъ лицомъ учителя. Тотъ строго, зорко глядитъ ему въ глаза и, кивнувъ головой, важно произносить:

— По лицу способенъ. Но науки-то наши весьма трудны: надо все учить слово въ слово, буква въ букву. Мы сами это видимъ, что трудно, но что же дѣлать?— книги святыя, такъ ведется отъ Магомета. А наши дѣти, надо сказать правду, сыны ума и памяти, потому что такъ быстро заучиваютъ наизусть наши книги!

— Аллахъ поможетъ! говоритъ отецъ. — Съ Его помощью мой Хуссеинъ не только мехтебъ окончитъ, но и въ медресе перейдетъ. У такого мудраго учителя, какъ ты, даже самъ дуракъ все выучить!

Учитель самодовольно оглядываетъ своего новаго ученика. Тотъ незамѣтно ускользаетъ сначала за колонну, потомъ за уголъ—и снова на крышѣ: для него ожиданія еще не кончились, его черные глазки тревожно смотрятъ вдаль.

А на террасу въ это время слуга внесъ большой подносъ: на немъ блюдо лепешекъ, чайникъ съ зеленымъ чаемъ, чашки, сушеные абрикосы, конфеты, сушеный виноградъ и фисташки. Мальчуганъ облизнулся и хотѣлъ было спуститься внизъ за добычей, но тутъ издали послышались голоса, и изъ-за угла на улицу, гдѣ былъ домъ Хуссеина, повернула толпа мальчиковъ съ сумочками черезъ плечо, въ ситцевыхъ халатикахъ и пестренкихъ тюбитейкахъ. Они чинно подвигались къ дому Хуссеина.

— Вотъ и за мной! воскликнулъ Хуссеинъ и быстро, какъ кошка, сталъ спускаться съ крыши.

Онъ кинулся въ домикъ матери. Она сидѣла у себя: ей, какъ женщинѣ, нельзя было выйти къ чужимъ мужчинамъ, такъ какъ, по закону мусульманъ, женщину можетъ видѣть только мужъ или братъ, а на улицу она выходитъ не иначе, какъ закрывъ лицо сѣткой.

Все веселье Хуссейна мигомъ пропало. Въ слезахъ обнялъ онъ свою мать, мать обняла его, прижала къ себѣ, но потомъ быстро стала одѣвать его. Она надѣла на него нарядный халатъ изъ сѣраго шелка, красныя шелковыя шаровары, голубыя сапожки, подпоясала длиннымъ широкимъ синимъ шелковымъ поясомъ, который обмотала вокругъ талии, а на голову изъ своего завѣтнаго сундучка достала красную бархатную, всю сплошь зашитую золотомъ тюбитейку.

— Эту тюбитейку твой дѣдъ и твой прадѣдъ надѣвали, когда шли въ первый разъ въ школу...

Мальчикъ началъ дрожать, потому что видѣлъ, что и руки матери дрожали, хотя она и шептала ему:

— Ты не бойся: отецъ столько надаритъ учителю, и подарки все такіе хорошіе. А я отъ себя ему сшила и шелкомъ вышила пять тюбитеекъ, ему до гроба всѣхъ не переносить; пусть, думаю, будетъ къ тебѣ подобрѣе. Не бойся! ему рѣдко кто столько дарить!... Я думаю, ты у него первый будешь!...

Въ эту минуту вбѣжала дѣвочка. Ея косички развѣвались; она несла въ рукахъ хорошенькую сумочку изъ голубого канауса, вышитую шелкомъ, а въ сумочкѣ лежала азбука. Дѣвочка молча надѣла брату черезъ плечо сумочку и съ торжествомъ поглядѣла ему въ лицо. Хуссейнъ обнялъ ее.

Въ эту минуту голоса раздались уже на дворѣ, и цѣлая толпа мальчугановъ, съ своимъ класснымъ наставникомъ—халифѣ, остановилась передъ террасой. Мать еще разъ обняла мальчика, шепнула ему: „Не бойся!“ и слегка толкнула его къ двери.

Хуссейнъ вышелъ во дворъ, а мать съ бьющимся сердцемъ слѣдила за нимъ въ щелку двери. Нарядный, улыбаясь сквозь слезы, подошелъ мальчикъ къ товарищамъ. Они обступили его и запѣли священный мусульманскій гимнъ. Ихъ дѣтскіе голосенки такъ звонко раз-

давались. Тронутый отецъ всталъ и, сдѣлавъ знакъ слугѣ, подошелъ къ дѣтямъ. Слуга вынесъ огромный подносъ съ блюдами, на которыхъ горой былъ наложенъ палау—кушанье изъ рисовой крупы, сала, изюма и мяса. Гости усѣлись вокругъ блюдъ и принялись есть горячее вкусное кушанье; ѣли прямо руками. Затѣмъ всѣхъ обнесли сластями, и учитель всталъ: пора было итти.

Отецъ взялъ изъ рукъ слуги подносъ съ подарками, предназначавшимися для учителя, и съ поклономъ поднесъ ему. Мулла важно, даже не взглянувъ на подарки, передалъ подносъ халифе, своему помощнику, затѣмъ, обратившись къ хозяину, провелъ рукой по своей бородѣ въ знакъ благодарности, поклонился и сдѣлалъ видъ, что хочетъ уходить, хотя заранѣе зналъ, что будетъ еще подарокъ. Отецъ торопливо взялъ изъ рукъ слуги другой подносъ и поспѣшилъ къ учителю; тотъ сдѣлалъ удивленное лицо,—и другой подносъ былъ переданъ старшему ученику. На этомъ подносѣ лежали фунтъ чая, голова сахара и цѣлая гора сухихъ фруктовъ и лепешекъ, а сверхъ всего три тилли *), годовая плата за мальчика. Хуссеинъ улыбнулся: онъ зналъ, что можно заплатить и двѣ и даже одну тилли въ годъ; это отецъ все, чтобы задобрить учителя! Въ порывѣ благодарности мальчикъ кинулся къ отцу, но отецъ остановилъ его словами:

— Ты съ этого дня ужъ не ребенокъ!

Степенно пожалъ онъ руку мальчика и прибавилъ:

— Учись, учись! сами наши халифы учились!

Учитель задобрень! Онъ даже улыбнулся на прощанье отцу; онъ видимо доволенъ подарками, платой и угощеніемъ.

Впереди всѣхъ вышелъ въ калитку учитель, за нимъ помощникъ и старшій ученикъ. Они несли подносы съ

*) Тилля—бухарская золотая монета, равная 4 рублямъ.

подарками, высоко поднявъ ихъ передъ собою, чтобы всѣ знали, какъ уважаетъ Богуэддинъ-Хассанъ-бай учителя муллу Рахметъ-Али!.. Сзади шли дѣти, а посреди ихъ нарядный, но сконфуженный Хуссеинъ. Общимъ хоромъ всѣ пѣли славу Богу и Его пророку Магомету, а счастливый и гордый отецъ долго еще стоялъ у калитки и смотрѣлъ вслѣдъ удалявшимся, да на порогѣ женской комнаты стояли, обнявшись, мать съ дочерью и слушали затихавшее пѣніе. Пропаль, ушелъ ихъ маленькій Хуссеинъ! теперь онъ сдѣлается мужчиной и, конечно, не захочетъ ихъ больше знать, ничтожныхъ женщинъ!

Солнышко было еще совсѣмъ на краю неба, когда пришли сосѣди поздравить богатаго Богуэддинъ-Хассана съ вступленіемъ сына въ школу.

— Да, хозяинъ, говорили они,—теперь ты уже можешь гордиться: у тебя сынъ въ школѣ!

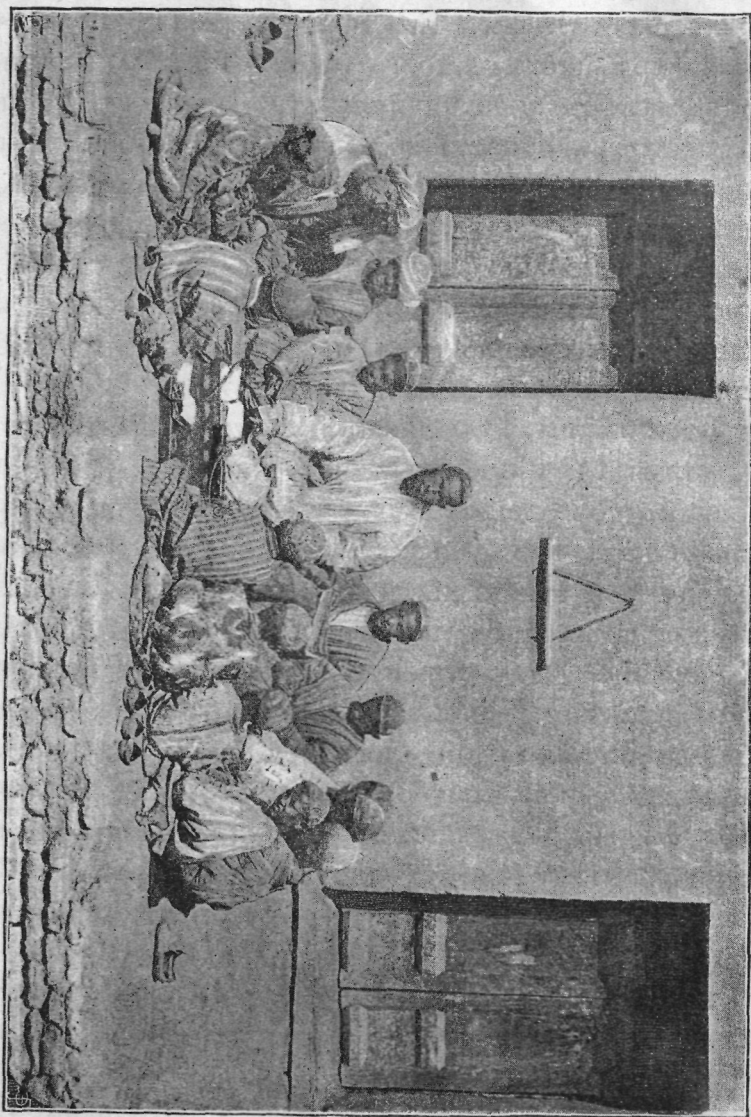
Хозяинъ долго еще рассказывалъ имъ, что говорилъ учитель и какъ все было, и угощалъ ихъ оставшимся палау, чаемъ и сластями...

Только на женской половинѣ мать и сестренка Хуссеина грустили. Имъ страшно было: что-то будутъ дѣлать въ школѣ съ ихъ милымъ мальчикомъ? неужели онъ будетъ такой худой, какъ и другіе? Да и не мудрено!—страшный ильми-галь (катехизисъ), а стихи корана, а фикихъ (религіозные законы), а эта ужасная арабская грамматика, гдѣ надо выучить наизусть болѣе пяти тетрадей *)! Но и это все ничего бы! а вотъ четверокнижіе—ча аръ-катабъ! тутъ надо выучить четыре толстыхъ книги: какъ—правила религіи, биданъ—познаніе вѣры, каликъ-наби—о преданіяхъ и хамде-хадъ—возвеличеніе Бога!

Пока такъ сидѣли и грустили онѣ обѣ, мальчики при-

*) Учащіеся мусульмане прежде всего и главнымъ образомъ должны выучиться по-арабски, такъ какъ всѣ ихъ священныя книги написаны по-арабски и самъ ихъ пророкъ и законодатель—Магометъ—былъ арабъ.

шли въ школу. Было лѣто и жарко. Школа помѣщалась на дворѣ подъ навѣсомъ. Тутъ была разостлана огромная бѣлая кошма (войлокъ). Учитель и ученики

Мектебъ въ Бухарѣ.

сняли калоши *) и вошли на кошму. Учитель прочелъ

*) Мусульмане и зиму и лѣто въ калошахъ, которыя они снимаютъ,

молитву и сѣлъ посрединѣ кошмы. Дѣти обсѣли вокругъ него, всѣ по-турецки — на пятки, прилежные конечно впередъ, а лѣнливые и маленькіе сзади. Хуссеинъ стоялъ и не зналъ, куда ему сѣсть; радъ бы онъ подальше отъ учителя, да не смѣетъ! На колѣняхъ учителя лежала большая старая книга, а рядомъ—сердце Хуссеина сжалось!—огромная розга, длинная, гибкая...

— Эй ты, новичокъ! садись сзади, вѣдь ничего не знаешь!

Хуссеинъ радостно кинулся къ послѣднему ряду.

II.

Урокъ грамоты.

Хуссеинъ досталъ азбуку и оглядѣлся. Тутъ все сидѣли малыши. Старшіе, что впереди, уже вынули свои книги и принялись твердить стихи Гафиза *). Хуссеинъ смѣрилъ глазами разстояніе отъ себя до учителя, потомъ поглядѣлъ на розгу—и обрадовался: кажись, длинная розга не достанетъ до него. Но лишь только онъ это подумалъ, какъ раздался какой-то свистъ, и тонкій конецъ розги скользнулъ по лицу его сосѣда, мальчика лѣтъ пяти, не болѣе. Тотъ вскрикнулъ, остальные мальчики съежились. Хуссеинъ поглядѣлъ: по лицу сосѣда черезъ всю щеку проходилъ синій рубецъ. Хуссеину стало такъ жаль этого маленькаго мальчика, бѣдно одѣтаго и такого еще крошечнаго, что онъ тихо сталъ гладить его по рукѣ, но розга снова свистнула въ воздухѣ, никого впрочемъ на этотъ разъ не задѣвъ.

— Это тебѣ! берегись! шепнулъ сосѣдъ какъ-то сквозь зубы, стараясь не шевелить губами.

Учитель взялъ въ руки азбуку—алифъ-бе— и въ другую руку розгу, которую немного раскачалъ. Онъ

входя въ домъ; по ихъ понятіямъ, грѣхъ входить въ домъ тою же подошвой, какою ступалъ и на улицѣ.

*) Гафизъ—персидскій поэтъ.

началъ выкрикивать буквы подъ рядъ, нараспѣвъ, раскачиваясь въ тактъ и помахивая розгой; дѣти тянули за нимъ. Букву за буквой, слѣдя по своей азбучкѣ и за ртомъ учителя, кричалъ и Хуссеинъ вмѣстѣ съ другими. Такъ твердили мусульманскія дѣти сотни лѣтъ тому назадъ, такъ будутъ твердить, покуда они магометане, потому что такъ велитъ имъ законъ, такъ учили ихъ сами халифы и Магометъ, избранникъ Божій.

Хуссеинъ твердитъ и тянетъ буквы, а мысли его далеко—и вдругъ не ту букву!..

— Не то! не то! кричитъ учитель.

Хуссеинъ усталъ; горло у него охрипло, голова кружилась. Но учитель все тянулъ буквы, покачивалъ головой и помахивалъ розгой. Наконецъ мальчикъ пересталъ понимать; какъ въ туманѣ, видѣлъ онъ фигуру учителя, кивающаго головой и махающаго розгой. Онъ пересталъ думать, а фигуры мальчиковъ, тянувшихъ азбуку, казались ему спящими, и самъ онъ точно во снѣ твердитъ, твердитъ, твердитъ...

Но вотъ Хуссеинъ вздрогнулъ,—всѣ вскочили и засуетились. Самъ учитель положилъ розгу и вышелъ во дворъ.

Мальчики выбѣжали тоже во дворъ, проворно всунувъ ноги въ калоши. Посреди двора былъ небольшой прудъ, обсаженный раскидистыми карагачами и акаціями. Красивъ былъ этотъ уголокъ—уютно! Вспомнилась Хуссеину мать, сестра,—но его дернулъ за рукавъ его бѣдный сосѣдъ и наскоро мимоходомъ крикнулъ ему:

— Не зѣвай! Мой скорѣй руки!

Мальчики мыли руки и лица и даже ротъ выполо-скали и послѣ этого снова вернулись къ учителю.

Учитель роздалъ мальчикамъ тетради — джузъ (онѣ сшиты изъ красной лакированной бумаги)—и маленькіе пеналы, въ нихъ была разведена тушь и лежало нѣсколько камышевыхъ перьевъ.

— Всѣ ли вы умылись? спросилъ строго учитель.

У мусульманъ письмо священное дѣло. Каллиграфія служить и служила для распространенія божественнаго писанія. Лучшіе ученѣйшіе мужи, и даже грѣшники во искупленіе грѣховъ, посвящали всю свою жизнь на переписываніе корана. Скверно писать—грѣхъ: осквернишь святую книгу! Надо каждую букву рисовать, какъ картину; нѣтъ образованнаго мусульманина, который бы некрасиво писалъ. Шейхъ-Абдуль-КаDIRь-Гилани былъ такъ набоженъ, что когда шелъ на базаръ, гдѣ продаютъ бумагу, то совершалъ омовеніе. Если мусульманину случится на улицѣ увидѣть, что валяется кусочекъ бумаги на землѣ, то онъ подниметъ ее и засунетъ въ щель забора,—грѣхъ, если листъ бумаги изъ книги, хотя бы не священной, будетъ втоптанъ въ грязь! Многіе султаны и другіе правители Востока сами переписывали для себя коранъ; Мурадъ IV гордился тѣмъ, что питался на деньги, которыя зарабатывалъ переписываніемъ корана.

— Прежде чѣмъ приступить къ письму, молитесь каждый въ своей душѣ! сказалъ учитель.

Мальчики помолились, а учитель спросилъ:

— Съ должнымъ ли благоговѣніемъ принимаетесь за письмо?

— Да, да! закричали мальчики.

— Приступите.

Съ благоговѣніемъ взялъ Хуссеинъ тетрадь, осторожно на ладони принесъ ее на свое мѣсто и сѣлъ на пятки; взявъ перо, онъ сталъ выводить большія буквы съ прописи. Это были тѣ же печатныя буквы, что сейчасъ учили по азбукѣ; писанными буквами пишутъ на своемъ народномъ языкѣ только очень образованные мусульмане.

Всѣ сидѣли и писали такъ усердно, что перепотѣли и не замѣтили, какъ солнце приблизилось къ срединѣ неба.

Хуссеинъ умучился; даже ручонка заболѣла, — такъ онъ усердствовалъ, а всего написалъ или, вѣрнѣе, нарисовалъ три буквы. Онъ откинулся и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на свою страничку. Его восторгъ прервалъ призывъ муэдзина *) съ сосѣдней мечети.

Учитель всталъ и вышелъ. Дѣти взяли мокрая губки и вымыли тетради. Хуссеину было жаль смывать свои буквы, да нечего дѣлать: тетрадь отбираетъ назадъ учитель; на ней до Хуссеина учились и послѣ него долго еще будутъ учиться.

Смывъ буквы, Хуссеинъ вмѣстѣ со всѣми побѣжалъ къ пруду, наскоро умылся и началъ завтракать. Дѣти ломали лепешки, макали ихъ въ воду и ѣли. Хуссеинъ такъ усталъ, что даже ѣсть не хотѣлъ, но, помня, что мать заботилась, стряпала и огорчится, если узнаетъ, что онъ ничего не ѣлъ, принялся за лепешки, но всего съѣсть не могъ и половину роздалъ бѣднымъ мальчикамъ.

Дѣти степенно разсѣлись на дворѣ; ни бѣгать, ни кричать не полагалось, — вѣдь они не на площади, а въ училищѣ! Хуссеинъ искалъ глазами своего маленькаго сосѣда, но тотъ легъ и мигомъ заснулъ.

Вотъ вышелъ учитель; онъ хлопнулъ въ ладоши, и дѣти снова собрались въ классъ. Удивился Хуссеинъ, что такъ скоро кончилась перемѣна, да нечего дѣлать. Мальчики опять усѣлись вокругъ учителя. Тутъ пришелъ халифе; онъ сдѣлалъ знакъ учителю, тотъ кинувъ головой, всталъ и зашагалъ къ выходу прямо черезъ головы учениковъ, при чемъ для равновѣсія упирался руками объ ихъ головы. Онъ ушелъ спать.

Халифе принесъ съ собою книгу ильми-галь—катехизисъ, и началъ читать оттуда отъ точки до точки написанныя правила, а ученики во все горло, раскачи-

*) Муэдзинъ долженъ три раза въ сутки—при восходѣ солнца, закатѣ и въ полдень—всходить на высокую башню при храмѣ и оттуда, зажавъ уши, кричать во всю мочь призывъ къ молитвѣ.

ваясь изъ стороны въ сторону, твердили за нимъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ могли сказать эту фразу наизусть безъ учителя; за нею тогда тѣмъ же порядкомъ заучивали вторую, потомъ обѣ вмѣстѣ и тогда ужъ третью. Старшіе, которые умѣли читать, твердили наизусть коранъ; они заткнули уши пальцами и тоже качались изъ стороны въ сторону. Что за усталыя, напряженные лица! Вотъ первый ученикъ; онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ твердитъ чуть не цѣлые полчаса одно длинное мудреное слово. А вонъ любимчикъ учителя; онъ спѣшитъ раньше другихъ приготовить заданный урокъ и стучитъ кулакомъ въ лобъ. А вонъ тотъ твердитъ такъ-себѣ, не думая, все одну и ту же фразу.

Но Хуссеину не до нихъ. Онъ ничего, хоть что хочешь, не можетъ запомнить, — не привыкъ еще, усталъ да и жарко.

III.

Урокъ географіи.

Но вотъ солнце стало садиться. Прохладный. Цѣлый длинный день прошелъ за ученіемъ. Приходитъ выспавшійся учитель. Онъ шагаетъ черезъ головы учениковъ и садится на свое мѣсто, но—о, чудо! — завѣтная розга лежитъ покойно на мѣстѣ, учитель не раскрываетъ новой толстой книги, а велитъ просто сѣсть смирно.

— Слушайте, дѣти! я буду говорить вамъ географію земли и неба!

Дѣти улыбнулись, усѣлись половчѣе и приготовились слушать.

Учитель началъ:

— Великъ Господь Богъ нашъ и пророкъ Его Магометъ, а потому и весь созданный Имъ міръ великъ, необъятенъ. Конечно, не слабому человѣческому уму понять мірозданіе, а самъ Господь черезъ пророковъ открылъ намъ о Себѣ и Своемъ твореніи.

„Вы думаете, что эта земля, на которой вы живете, есть все, созданное Богомъ? Нѣтъ, кромѣ нашей земли, есть еще шесть земель, итого всѣхъ земель съ нашею семь и небесъ тоже семь. Всѣ земли помѣщаются одна подъ другою, и всѣ небеса помѣщаются одно надъ другимъ. Пятьсотъ лѣтъ пути отдѣляютъ одну землю отъ другой, и пятьсотъ лѣтъ пути отдѣляютъ одно небо отъ другого.

„Небеса обитаютъ чистыя души ангеловъ и святыхъ, а также и очистившіяся души грѣшныхъ людей, и небеса эти такъ хороши, что умъ человѣческій и его слабая душа не могутъ объять всей ихъ красоты. Первое небо изъ смарагда: увидишь—онѣмѣешь отъ восторга! Надъ нимъ небо изъ серебра: увидишь—ослѣпнешь! Тутъ обитаютъ души очистившихся. Третье небо — изъ крупнаго бѣлаго жемчуга, четвертое — изъ рубиновъ; тутъ обитаютъ пророки. Пятое — изъ желтаго гіацинта, съ чуднымъ ароматомъ; тутъ живетъ пророкъ Магометъ. Седьмое—изъ сіяющаго свѣта; тутъ Самъ Господь! Пролетѣвъ черезъ всѣ семь небесъ, душа такъ просвѣтляется, что похожа на кристаллъ, и можетъ постичь истинное блаженство. Но для насъ смертныхъ все это слишкомъ хорошо: мы бы не вынесли, если бы сразу насъ перенести туда.

„О томъ, какъ все это устроено и какое блаженство ждетъ насъ на небѣ, вы будете учить въ медресе.

„Землю огибаетъ океанъ; его никто не проѣзжалъ, а если бы и нашелся такой, то долженъ бы былъ на это потратить пятьсотъ лѣтъ — то же, что и отъ одного неба до другого. И если бы могъ онъ потратить пятьсотъ лѣтъ на это путешествіе, то увидалъ бы Куи-кафъ (Кафскія горы). Взойди на вершину — кругомъ безконечное ничто. Налѣво, направо, внизу—ничто и ничто; глазъ не хватаетъ дальше, и ты окруженъ однимъ воздухомъ. Тутъ, на этой вершинѣ, собираются ангелы во время

своего странствованія по землѣ, и тогда вершина этой горы издаетъ чудный свѣтъ...

„Всѣхъ земель еще никто живой, конечно, не видалъ, да и какъ же бы это было возможно? Но если бы кто и могъ пройти ихъ, то ему опять-таки понадобилось бы для этого пятьсотъ лѣтъ. Спускаясь внизъ съ нашей земли, онъ черезъ пятьсотъ лѣтъ добрался бы до второй земли, за нею до третьей и до всѣхъ семи земель на неизмѣримой глубинѣ. Но населена людьми и возможна для обитанія только наша земля; она меньше всѣхъ. За нею идетъ вторая земля, гдѣ царятъ вѣчные вѣтры: они все сметають, все сносятъ; а земля эта такъ гладка, какъ зеркало! За нею третья земля, вся засыпанная камнями; огромныя кучи гранита громоздятся на холмѣ изъ булыжника,—страшныя, черныя громады молча стоятъ съ поконъ вѣковъ! Четвертая земля облита адскою сѣрой; удручающій смрадъ можетъ задушить всякаго, кто осмѣлится сюда приблизиться.... Но самая страшная—это пятая земля и шестая земля! На пятой кишатъ ужасныя змѣи; съ шипѣніемъ извиваются онѣ, то сплетаясь, то расплетаясь, то свертываясь узлами! На шестой же—скорпіоны поражающей величины, съ верблюда, а хвостъ длиною въ копье! они ползають, жала другъ друга. И вѣнецъ всему этому ужасу—сатана: живетъ онъ на седьмой землѣ, окруженный своею страшною дьявольскою свитой. Къ нему попадаютъ всѣ иновѣрцы, а мы, правовѣрные мусульмане, спасены отъ этой злой участи про рокомъ нашимъ Магометомъ... Великъ пророкъ Магометъ! Его хвалимъ!..

Ученики въ одинъ голосъ воскликнули:

— Амень! *)

Хуссеинъ вздрогнулъ,—онъ заслушался.

Учитель продолжалъ:

*) Амень—аминь.

— Да! нашимъ умамъ трудно постичь все это, и конечно не было, нѣтъ и не будетъ такого человѣка, который бы видѣлъ всѣ эти чудеса. И даже нашу обитаемую землю не можетъ никто обойти, потому что для того, чтобы обойти нашу землю, надо опять-таки пятьсотъ лѣтъ: изъ нихъ двѣсти лѣтъ придется плавать по водѣ, двѣсти лѣтъ брести по степи, восемьдесятъ лѣтъ— по странѣ чудовищныхъ великановъ! О, это ужасные люди! однимъ пальцемъ они могутъ расколоть пополамъ большую мечеть, а если дунуть, то ихъ дыханіе снесетъ городъ! И только всего двадцать лѣтъ путникъ будетъ итти по странѣ, гдѣ живутъ обыкновенные люди, да и то не всѣ одной вѣры и не однихъ обычаевъ; на примѣръ въ земляхъ на сѣверѣ холодно, люди въ снѣгу кругомъ, и ихъ отвратительныя бѣлыя лица украшены безцвѣтными бѣлыми волосами и голубыми глазами...

Хуссеинъ такъ заслушался, что вытаращилъ глаза, раскрылъ ротъ и развѣсилъ уши. Но тутъ раздался вечерній призывъ муэдзина.

Солнце сѣло. Цѣлый длинный день проработалъ Хуссеинъ, усталъ, одурѣлъ. Придавленный, вялый, но заинтересованный, шелъ мальчикъ домой. Въ воображеніи его рисовались страшные чудовищные скорпіоны. Онъ разсѣянно пожалъ руку отцу, который серьезно, съ уваженіемъ встрѣтилъ сына, приписывая его выраженіе лица перерожденію его изъ дитяти во взрослого. Мальчикъ важно кивнулъ прислугѣ, гордость подымалась съ глубины его души, но, увидѣвъ мать, онъ забылъ все и кинулся ей на шею. Она цѣловала его и сквозь слезы твердила:

— Хуссеинъ, голубчикъ! я думала, ты станешь теперь гнушаться нами, неучеными женщинами.

— Муллою буду, и все же буду по-старому любить тебя! сказалъ Хуссеинъ.

— А вонъ посмотри на бѣдную Айшу! Ея дѣти съ

того дня, какъ въ школу поступили, и знать ее не хотятъ!

— Ну, и пусть ихъ! Я, какъ тебя увижу, такъ сейчасъ все позабуду, только помню, что очень люблю тебя!..

Мать кормила сына всѣмъ, что было въ домѣ лучшаго, а сестра совала ему въ руку леденецъ; это даль ей отецъ, но она его не съѣла, а сберегла для Хуссеина...

Вечеръ... Хуссеинъ и сестра снова сидятъ на крышѣ, — любимое ихъ мѣсто; мать снова стряпаетъ у огня; корова опять попрежнему бродитъ въ саду. Все, кажись, попрежнему... Только дѣти ужъ не тѣ: нѣтъ той безпечной веселости, на личикахъ забота. Завтра опять милый Хуссеинъ уйдетъ на цѣлый день... И къ чему это отецъ затѣялъ дѣлать изъ него ученаго? не лучше ли было бы ему быть такимъ же купцомъ, какъ и самъ отецъ! Развѣ Хуссеинъ бѣднякъ, чтобы корпѣть цѣлые дни надъ книгами? поучился бы немного, да и ладно. Такъ думаетъ дѣвочка; она обняла брата за шею ручонками, а братъ далекъ отъ нея мыслями... „Вѣдь мы только на первой землѣ“, думаетъ онъ: „а на чемъ же все это держится?“

Обнявъ Рузу-Гуль за талію, Хуссеинъ рассказываетъ ей все, что онъ слышалъ въ школѣ. Въ глазахъ дѣвочки изумленіе; съ новымъ чувствомъ уваженія и жалости смотреть она на брата.

Дѣтямъ страшно. Темнота окутываетъ ихъ. Они жмутся другъ къ другу. Сзади склоняютъ къ нимъ деревья свои густыя вѣтки. Но стоить дѣтямъ взглянуть на свою мать — и страхъ проходитъ, а на душѣ свѣтло, спокойно...

— А что, Хуссеинъ, спрашиваетъ сестра, — вдругъ одному изъ скорпионовъ, что живутъ на шестой землѣ, вздумалось бы залѣзть къ намъ?

— Ну, не бойся! на пятой землѣ его заѣли бы змѣи, а на второй снесло бы вѣтромъ!..

IV.

День милостыни.

Сегодня четвергъ! Ура! желанный четвергъ! день счастья и надеждъ. Сегодня занятія въ школѣ кончатся въ полдень. Хуссеинъ мечтаетъ, какъ пойдутъ они съ отцомъ въ баню. Сегодня день милостыни! Мать будетъ раздавать нищимъ хлѣбъ и фрукты, и еще пошлютъ въ кишлакъ — отдѣльный кварталъ, гдѣ живутъ прокаженные — чашку супа и двѣ большихъ дыни.

Четвергъ—канунъ пятницы, а въ пятницу еженедѣльный праздникъ, какъ у христіанъ воскресенье или у евреевъ суббота. Всѣ мужчины, нарядные по-праздничному, пойдутъ въ главную мечеть на молитву, и самъ эмиръ бухарскій проѣдетъ туда съ пышною церемоніей и музыкой! Бѣдныя женщины! онѣ могутъ только нарядиться и смотрѣть на всю эту процессію въ щель калитки.

Поскорѣй бы завтра, поскорѣй бы занятіямъ конецъ! Какой день-то: небо синее, солнышко такъ и сіяетъ! Охотно одѣлся сегодня Хуссеинъ въ школу: вѣдь сегодня рано кончится. Онъ чисто вымылъ лицо и руки и хотѣлъ ужъ было уходить, да мать остановила его. Она дала ему мѣшокъ; пришелъ отецъ и сунулъ въ мѣшокъ цѣлую кучу лепешекъ.

— Это все мнѣ? удивился мальчикъ.

— Нѣтъ, это учителю! каждый четвергъ, наканунѣ праздника, надо учителю нести хлѣбъ.

— Куда же такъ много?

— Ну, пусть его, не обѣднѣемъ, а онъ станетъ добрѣе!

Мальчикъ двинулся къ двери. Въ это время догнала его мать и торопливо сунула ему въ мѣшокъ еще двѣ дыни, небольшую тыкву, десятокъ яблокъ и десятокъ яицъ.

Тутъ и тамъ по дорогѣ шли дѣти съ мѣшками; всякій несъ что-нибудь: кто лепешку, кто дыню, кто арбузъ, но никто не несъ такъ много, какъ Хуссеинъ. У самыхъ дверей школы онъ нагналъ маленькаго сосѣда; тотъ робко выжидалъ, какъ бы проскользнуть мимо учителя,—но это было невозможно! учитель сидѣлъ лицомъ къ калиткѣ и слѣдилъ за каждымъ, кто что принесъ. Дѣти проходили мимо него и складывали приношенія въ углу классной террасы.

— Ты чего же не входишь? спросилъ Хуссеинъ сосѣда.

— Боюсь! опять скажетъ: ничего не принесъ!

— На тебѣ хлѣба и дыню и подари ему!

— Нѣтъ много, онъ догадается: намъ столько взять неоткуда. Еще подумаетъ: укралъ! Дай лучше одну лепешку и тыкву.

Мальчики вошли. Учитель улыбнулся Хуссеину и, видя за его спиной пятилѣтку, крикнулъ:

— Эй, ты! опять для праздника учителю ничего!

— Нѣтъ несу! отвѣчалъ мальчикъ дрожащимъ голосомъ, подавая учителю лепешку и тыкву.

Учитель снисходительно кивнулъ головой. Посмотрѣвъ на кучу яблокъ и другихъ припасовъ Хуссеина, онъ кивнулъ на него своему помощнику и сказалъ:

— Помоги ему учить грамоту!

Всѣ усѣлись на мѣста и принялись учить азбуку. Хуссеину было на этотъ разъ легче: около него сидѣлъ помощникъ учителя и подсказывалъ ему.

Но азбукой занимались недолго. Учитель велѣлъ сложить руки и слушать. Хуссеинъ ужасно обрадовался: онъ зналъ, что будутъ рассказывать что-нибудь интересное изъ географіи.

— Видите вы сводъ небесный, началъ учитель:—какой онъ чистый, какой чудный темно-голубой? Цвѣтъ этотъ не что иное, какъ отблескъ Куи-кафскихъ горъ.

Эти горы всѣ изъ зеленого хризолита. А кругомъ это безконечное ничто есть ничто только для непосвященнаго глаза; на самомъ же дѣлѣ это пространство раздѣлено на семьдесятъ восемь круговъ или слоевъ: изъ нихъ одинъ изъ золота, семьдесятъ изъ серебра и семь изъ мускуса. Невольно спросишь, какъ же эти всѣ земли держатся, какъ укрѣпленъ, на что упирается этотъ міръ? И вотъ Господь создалъ ангела, гигантскаго ангела, который и подпираетъ спиною своею всю землю. Стоитъ этотъ ангелъ на скалѣ изъ рубиновъ. Скала эта ноздреватая, и изъ семи тысячъ отверстій вытекаетъ море, сливается въ одно безконечное пространство воды и огибаетъ, омываетъ вселенную. Эта чудная скала громоздится на спинѣ невѣроятнаго быка... Чудеса! Великъ Господь и пророкъ Его!

— Амень! крикнули дѣти.

— У этого быка четыре тысячи глазъ, продолжалъ учитель,—четыре тысячи ушей, четыре тысячи носовъ, четыре тысячи ртовъ, четыре тысячи языковъ и четыре тысячи ногъ, а каждая изъ четырехъ тысячъ ногъ помѣщается отъ другой въ такомъ разстояніи, которое можно пройти не раньше, какъ въ пятьсотъ лѣтъ. Видите, видите, какъ великъ этотъ быкъ! намъ даже и вообразить его невозможно... Хвала создавшему это чудище по одному слову!

— Амень!

— Но вообразите себѣ, дѣти: это страшное животное дышитъ! Съ каждымъ дыханіемъ волны воздуха вылетаютъ изъ его пасти, летятъ кверху, бурлятъ и пѣнятъ морскую воду. Къ счастью, быкъ издаетъ только два дыханія въ сутки, отсюда происходитъ приливъ и отливъ на морѣ: дохнетъ изъ себя—море выйдетъ изъ береговъ, дохнетъ въ себя—море снова войдетъ въ свои границы! Дыханія его такъ шатаютъ море, что иногда поднимаются страшныя бури...

„А что“, думаетъ Хуссеинъ, „какъ этотъ быкъ по ошибкѣ два раза изъ себя дохнетъ? Насъ всѣхъ заточить тогда!..“

— Быкъ этотъ, говоритъ учитель, — упирается ногами на спину рыбы съ такими широкими ноздрями, что въ нихъ всѣ моря свѣта показались бы простою каплей. Великъ, о великъ Аллахъ!!

— Аменъ! воскликнули ученики, а Хуссеинъ слушаетъ и думаетъ: „а что, если рыба эта вздумаетъ уплыть прочь, — тогда быкъ полетитъ и съ нимъ все, все!.. Ухъ!“ мальчикъ закрываетъ глаза...

Но вотъ и полдень. Учитель всталъ и, обратясь къ дѣтямъ, сказалъ имъ маленькую рѣчь:

— Друзья! вы должны знать, какой сегодня день. Сегодня день милостыни и молитвы! Вы должны подать бѣдному, утѣшить хоть одного несчастнаго, хоть въ пустякахъ; если нѣтъ близкаго, ищите вдали отъ себя: несчастный всегда найдется; пожалѣйте страждущаго: всегда можете уменьшить грѣхи свои, отнеся въ кишлакъ для прокаженныхъ пищи или одежды. Завтра идите въ храмъ и усердно молитесь; но сегодня омойте свое тѣло въ водѣ, чтобы чистымъ войти въ храмъ, и омойте вашу душу милостыней, дабы съ чистою душою войти въ храмъ...

— Порядочный мусульманинъ, говорилъ дальше учитель, — долженъ вести себя на улицѣ съ достоинствомъ; не подобаетъ ни болтать пустяковъ, ни шумѣть, ни ссориться, ни зѣвать по сторонамъ, ни заглядывать въ лавочки съ гостинцами, ходить тихо, чинно, а главное — чисты ли у васъ ногти?..

Дѣти поклонились учителю и стали проходить мимо учителя. Каждый показывалъ свои ногти; если чисты, то шли дальше. Вотъ большой Ахметъ: онъ хочетъ проскользнуть мимо учителя, но тотъ ловитъ его за рукавъ.

— Ну-ка, покажи! У, какіе грязные!

Учитель взялъ линейку и стукнулъ Ахмета по пальцамъ. Тотъ заревѣлъ. Хуссеинъ мелькомъ взглянулъ на свои ногти—чисты!

Степенно, важно шли мальчики изъ школы. Вонъ торговецъ со сладями,—хочется поглядѣть; а вонъ ѣдетъ богачъ,—что за лошадь, что за попона! Но нѣтъ! глазѣть нельзя порядочному мусульманину...

V.

Хуссеинъ читаетъ коранъ.

Такъ потекли дни за днями у Хуссеина: одинъ какъ другой,—безъ каникулъ, и зимой и лѣтомъ... Наконецъ, о торжество! Хуссеинъ читаетъ коранъ. Онъ бѣгло разучилъ первую главу корана, — самая трудная часть пути пройдена. Никогда еще такъ не радовался Хуссеинъ, какъ въ этотъ вечеръ: завтра торжество, завтра всѣ его родные и знакомые услышатъ, какъ онъ разбираетъ коранъ. Даже сердце какъ-то замираетъ у него; онъ не разъ пожималъ руку сестренкѣ, ничего не говоря, да и не надо было: знала сестренка, чего радуется ея братишка, и сама радовалась и гордилась имъ, а сердце ея проникалось любовью къ брату за то, что онъ попрежнему съ нею ласковъ, не гнушается ею.

Наступило утро. На террасѣ у отца цѣлое собраніе. Мальчуганъ не спалъ почти всю ночь. Было еще темно, когда онъ поднялся. Опять то же нарядное платье, что онъ надѣвалъ, когда шелъ въ первый разъ въ школу. „Ахъ, какой я тогда былъ маленькій!“ думаетъ Хуссеинъ.

Въ калитку входятъ все новые и новые гости — все родные, знакомые, сосѣди. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Отецъ, гордый и счастливый, похаживаетъ между гостей, нѣтъ-нѣтъ да и заглянетъ въ садъ, гдѣ сидитъ Хуссеинъ съ сестренкой.

Наконецъ всѣ собрались. По приглашенію отца гости

усѣлись въ кружокъ; посрединѣ стоялъ новый маленькій подстановокъ для корана, и на немъ былъ раскрытъ старинный фамильный коранъ. Передъ нимъ особый коврикъ.

Мать въ хлопотахъ. Но вотъ пора! Мальчикъ кинулся сначала къ ней.

— Иди, гляди! шепнулъ онъ ей и вышелъ во дворъ встрѣтить въ калиткѣ учителя.

Учитель взялъ его за руку и подвелъ къ террасѣ. Снявъ тутъ калоши, они вошли на коврикъ у корана.

— Благословенъ Господь! сказалъ учитель. — Приступимъ, дитя мое, въ Его имя!

— Амень! подтвердили сидѣвшіе.

Учитель и ученикъ встали на колѣна передъ кораномъ, потомъ сѣли на пятки. Хуссеинъ откашлялся и началъ читать гнусливо, нараспѣвъ первую главу изъ корана. Онъ слышитъ шопотъ одобренія—и дрожитъ отъ радости. Онъ, конечно, ничего не понимаетъ изъ прочитаннаго, да и къ чему понимать? вырастетъ—все пойметъ.

Чтеніе кончено. Отецъ всталъ, въ глазахъ слезы. Онъ подходитъ благодарить учителя.

— Спасибо, спасибо, мудрѣйшій! тебѣ обязанъ я этимъ торжествомъ.

Хуссеинъ готовъ запрыгать отъ радости; но онъ преодолеваетъ себя и, принявъ серьезный видъ, даже какъ-то напыжившись, важно посматриваетъ по сторонамъ. Всѣ подходятъ и пожимаютъ руки учителю и ученику. Только одной нѣтъ между поздравляющими: нѣтъ матери Хуссеина! Она ближе всѣхъ ему—и не смѣетъ войти, а должна смотрѣть на торжество родного сына въ щель двери! Она глядитъ и плачетъ—отъ радости? нѣтъ, отъ гордости и жалости: ей кажется, что маленький Хуссеинъ похуѣлъ, поблѣднѣлъ отъ ученія, что этотъ большой старый коранъ высосетъ всю кровь изъ ея сына!

Хуссеинъ спокойно, съ достоинствомъ принимаетъ

поздравленія, и даже самъ учитель съ уваженіемъ пожимаетъ его маленькую ручку. Но мальчикъ рвется душою туда, за дверь—въ объятія сестры и матери: ихъ ласки дороже ему всѣхъ этихъ поздравленій. Онъ знаетъ, что онѣ смотрятъ на него, и ему жаль ихъ: съ ними провелъ онъ лучшіе годы дѣтства и съ ними хотѣлъ бы раздѣлить первое торжество.

Наконецъ удалось урваться ему къ матери и сестрѣ. Онъ цѣлуетъ ихъ. Мать беретъ его, за минуту еще такого важнаго, на руки и прижимаетъ къ груди и цѣлуетъ, цѣлуетъ...

Но слышенъ голосъ отца:

— Хуссеинъ! Хуссеинъ! отнынѣ ты долженъ ѣсть со мною съ одного блюда!

О радость, о гордость! впервые его сажаютъ въ кругъ вмѣстѣ съ большими. Подаютъ обѣдъ, сначала бульонъ въ чашкахъ—и ему, Хуссеину, наравнѣ съ большими. Всѣ бесѣдуютъ—и къ Хуссеину обращаются съ рѣчью. Онъ пробуетъ говорить, и ему никто не замѣчаетъ: „замолчи! не дѣтское дѣло вмѣшиваться въ разговоръ!“, а напротивъ, всѣ серьезно слушаютъ его. О! онъ ученый человѣкъ: онъ умѣетъ безъ запинки прочесть первую главу корана! Но Хуссеинъ говоритъ мало: онъ боится, какъ бы не сказать что-нибудь смѣшное. Весь красный, съ блестящими глазами, сидитъ онъ въ кругу большихъ и силится напустить на себя серьезность и важность, но, какъ ни таращить онъ свою мордочку, какъ ни морщить брови, счастливая улыбка такъ и лѣзетъ наружу. Старшіе дѣлаютъ видъ, что не видятъ настроенія мальчика, и стараются быть съ нимъ какъ можно серьезнѣе.

Подали пирожки, шашлыкъ и наконецъ палау. Принесли подносы съ чаемъ и фруктами, и во дворъ вошли музыканты. Они усѣлись возлѣ калитки. Учитель провелъ по бородѣ и поклонился хозяину, за нимъ и всѣ другіе; потомъ, обратясь къ мальчику, учитель сказалъ:

— Учись, учись! а также хорошо помни древнюю пословицу: „то, что заработаешь, служить твоей семьѣ: отцу, матери, сестрѣ, женѣ; а то, чему ты научился, — тебѣ самому!“

Хуссеинъ приложилъ руки къ сердцу, поклонился и весело и бойко воскликнулъ:

— О, учитель! не ты ли учишь меня? Я отвѣчу тебѣ тоже старою пословицею: „когда что лежитъ возлѣ хорошаго, къ нему прилипнетъ все хорошее!“

Учитель кивнулъ головой; онъ, видимо, остался доволенъ отвѣтомъ ученика, а слушатели съ изумленіемъ покачивали головами.

Въ это время заиграли музыканты. Ихъ было шестеро: два бубна, два барабана и двѣ флейты. Флейты пищали, барабанъ отбивалъ дробь, а бубны выстукивали тактъ. Музыканты старались играть какъ можно громче, чтобы всѣ знали, что Хуссеинъ-бенъ*) - Богуэддинъ - Хасанъ-бай приступилъ къ изученію корана...

Всѣ съ удовольствіемъ слушали эту музыку и пили чай. Хуссеинъ нѣсколько разъ выбѣгалъ изъ комнаты, чтобы обнять мать и сестру.

До поздней ночи веселились въ домѣ Хуссеина, пили чай, ѣли сласти, слушали музыку, пѣли пѣсни. Учителю опять поднесли подарки, еще лучше чѣмъ тѣ, что въ первый разъ.

Хуссеинъ уснулъ тутъ же, въ углу на террасѣ, и ночью, когда гости разошлись, мать взяла его на руки, раздѣла и уложила спать.

Съ этого дня Хуссеинъ сталъ считаться большимъ. Отецъ пилъ съ нимъ чай, давалъ ему порученія, разговаривалъ нимъ, какъ съ равнымъ. Мать совѣтовалась съ нимъ; только маленькая сестренка не хотѣла знать учености брата и попрежнему тащила его на крышу.

Но вотъ и весь коранъ прочитанъ, и Хуссеинъ при-

*) Бенъ—сынъ.

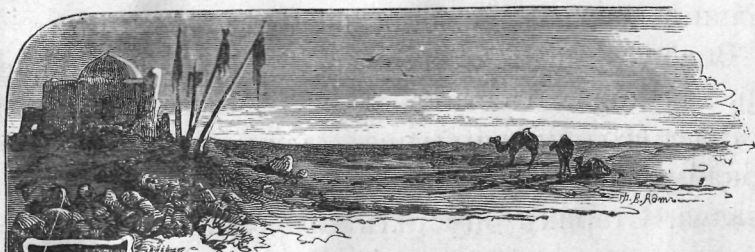
нялся долбить его наизусть, главу за главою, хотя все же ровно ничего ни понималъ въ немъ. Послѣ каждой выученной главы было снова такое же торжество, какъ и въ первый разъ: также собирались гости и слушали, а онъ тараторилъ слово въ слово безъ запинки непонятныя слова на диво слушателямъ.

Но не радовали Хуссеина всѣ эти торжества, надоѣло ему и ученье и школа: онъ учить изо дня въ день непонятныя изреченія, зубрить арабскую грамматику,—но отъ этого не легче. Хоть онъ и можетъ отвѣтить въ разбивку отъ слова до слова любое мельчайшее грамматическое исключеніе, но все же изъ корана ровно ничего не понимаетъ. Учить онъ чааръ-китабъ, учить о разныхъ святыхъ мужахъ, учить—и самъ дивится, какъ это онъ можетъ запомнить всю эту массу на память, и завидуетъ онъ сестренкѣ, которая весело бѣгаетъ въ женскую школу—биби-халифе, гдѣ учатъ только родной языкъ да стихи Гафиза, но не мучаютъ арабскимъ языкомъ и грамматикой. Не разъ, сидя на крышѣ съ сестренкой, Хуссеинъ съ удовольствіемъ слушалъ ее, какъ она говорила ему отрывки изъ Гафиза.

Семь лѣтъ сидѣлъ Хуссеинъ въ школѣ, изучилъ арабскій языкъ, читаетъ и пишетъ на немъ, но на своемъ родномъ персидскомъ языкѣ не можетъ написать и двухъ словъ. Кромѣ этого изучилъ онъ и географію о семи земляхъ и семи небесахъ, изучилъ исторію пророка Магомета и его святыхъ, которые созерцали величіе Господа и по недѣлямъ ничего не ѣли, кромѣ одной оливки. Но знаній у Хуссеина—никакихъ! Тянетъ его узнать о чужихъ земляхъ, объ изобрѣтеніяхъ запада, объ этихъ хитрыхъ бѣлыхъ людяхъ, и онъ мечтаетъ о медресе. „Тамъ“, думаетъ онъ, „тамъ я узнаю все! Тамъ источникъ истинныхъ знаній!“

Такъ думалъ Хуссеинъ въ то время, какъ отецъ его искалъ вакантную келью для своего сына-студента...

УРОЗА.

Томителенъ зной въ пустынныхъ степяхъ Азіи далеко ауль отъ аула; кругомъ песчаные холмы—барханы, подъ ногами горячій мелкій песокъ, нога тонетъ, а солнце-то! солнце такъ и палить! Рѣдко-рѣдко попадаетъ оазисъ: тѣнь, прохлада и вода!.. А потомъ опять горячее безконечное пространство—и нѣтъ спасенья, нѣтъ отдыха, хоть бы на секунду спрятаться отъ солнца, хоть бы капля росы!.. Не даромъ нѣкоторые жители пустынь говорятъ, что грѣшникамъ послѣ ихъ смерти придется итти въ рай длиннымъ путемъ черезъ безконечную раскаленную пустыню, итти дни, мѣсяцы, годы безъ воды и тѣни, безъ сна и отдыха, падая и снова подымаясь, пока пройдутъ вѣка, замолятся, искупятся грѣхи, и тогда только вступятъ они въ рай—чудный прохладный садъ, гдѣ бьютъ ароматическіе фонтаны, гдѣ воздухъ напитанъ сладкою пылью душистаго меда, а сочные фрукты таютъ во рту.

Гордо поднявъ мохнатую голову, медленно выступаетъ верблюдъ. Онъ не боится жары, онъ не чувствуетъ жгучихъ лучей солнца; его толстая шершавая кожа вся въ

мозоляхъ, и мозолистые ноги свободно ступаютъ на раскаленный песокъ. Онъ уже два дня не ѣлъ, но не чувствуетъ слабости и бодро идетъ впередъ своимъ ровнымъ, неторопливымъ шагомъ. Въ его горбѣ есть жиръ, который питаетъ его тѣло; въ его желудкѣ есть запасъ воды. Недаромъ верблюда зовутъ царемъ пустыни, — всегда спокойный терпѣливый, онъ созданъ для нея.

На спинѣ верблюда сидятъ двое сѣдоковъ. Они томятся... Впереди сидитъ старикъ — черный, худой; его морщинистая кожа блеститъ — точно намазана масломъ. Черные глаза его опущены внизъ, длинная сѣдая борода и усы окаймляютъ лицо. На его бритой головѣ намотана бѣлая чалма. Старикъ опустилъ голову на грудь; халатъ его распахнулся, и черная волосатая грудь тяжело и медленно подымается. Онъ опустилъ поводъ верблюда и, сложивъ свои худыя руки, молча покачивается на спинѣ своего вѣрнаго слуги — стараго товарища въ трудѣ и лишеніяхъ. За нимъ сидитъ его сынъ, смуглый худенькій мальчикъ; ему на видъ лѣтъ десять. Онъ обнялъ руками талию отца; его черныя глазки грустно смотрятъ вдаль. Онъ тоже молчитъ: онъ знаетъ, что чѣмъ больше будешь молчать во время жары въ пустынѣ, чѣмъ меньше шевелишься, тѣмъ дольше не захочешь пить. А захотѣть пить онъ боится больше всего теперь, когда о питьѣ нечего и думать.

Сегодня постъ: нельзя ни пить, ни ѣсть до вечера. Отецъ спѣшитъ; онъ не можетъ переждать жару, не смѣетъ потратить время на лишній отдыхъ, такъ какъ долженъ къ концу поста поспѣть въ свою мечеть: онъ главный мулла. Боясь жажды, мальчикъ сегодня утромъ почти ничего не ѣлъ и предъ отправленіемъ въ путь выпилъ лишь чая: вѣдь послѣ ѣды и зимой-то пить захочешь, а тутъ... Лучше ужъ совсѣмъ не ѣсть. Мальчикъ закрываетъ глаза и мысленно твердитъ всѣ, какія знаетъ, молитвы, одну за другою.

Время идетъ. Солнце все выше и все сильнѣе печетъ. Ни малѣйшаго движенія воздуха!.. О, ужасъ! сердце мальчика холодѣетъ: онъ чувствуетъ, что начинаетъ хотѣть пить; легкіе еще пока приступы жажды, но онъ знаетъ, что за этимъ пойдутъ все сильнѣйшіе и сильнѣйшіе приступы этой мучительницы. Языкъ начинаетъ сохнуть...

— Отецъ, у меня начинается жажда, а длинный день только еще начался.

— Сынъ мой, ты долженъ терпѣть! Развѣ ты не мусульманинъ? развѣ ты не слуга Могомета? Такія ли еще мученія испытывали люди, чтобы быть ближе къ Господу, хоть сколько-нибудь сподобиться Ему, столь великому и милостивому! А жажду сегодня терпитъ каждый мусульманинъ: вѣдь постъ — урозъ! Всякій ребенокъ даже, если ему уже минуло семь лѣтъ — постится. Съ восходомъ солнца поѣли люди и напились, и до заката солнца они не должны не только пить или ѣсть, но даже рта выполоскать, омочить губы, хотя бы только для того, чтобы освѣжиться... Нѣтъ, нѣтъ! ты пилъ съ восходомъ солнца и до вечера не долженъ даже помышлять о водѣ, тѣмъ болѣе ты! ты... сынъ муллы!

Мальчикъ молчалъ: горкія слезы капали изъ его глазъ. Онъ видѣлъ, какъ солнце высоко, и день казался ему безконечнымъ... Горло пересохло, языкъ прилипалъ къ нёбу.

— „Боже мой, что за мученье!“ думалъ мальчикъ: „пить!... пить!...“ Сердце его стучало, дыханіе прерывалось. А скоро будетъ колодезь, въ которомъ такая чудная чистая вода; можно бы напиться, но — урозъ!..

Солнце палитъ, голова кружится, въ глазахъ красные и зеленые круги. Мальчикъ прижимаетъ лицо свое къ спинѣ отца, и видится ему, что идетъ навстрѣчу имъ старикъ, на головѣ его корзина, а въ ней огромные абрикосы — сочные, сладкіе! Старикъ ставитъ корзину на колѣни къ мальчику, и тотъ жадно хватаетъ фруктъ; но не успѣлъ онъ донести его до рта, какъ абрикосъ выско-

чилъ и упалъ на песокъ. Другой — тоже, и, сколько бы ни бралъ мальчикъ абрикосовъ, всѣ они падали на песокъ. Ребенокъ мучится. Онъ рвется, мечется, открываетъ глаза — и передъ нимъ все тотъ же песокъ, то же солнце, тѣ же песчаные барханы, попрежнему томить и мучить жажда; верблюды попрежнему шагаютъ...

— Отецъ мой, мнѣ тошно, я пить хочу!

— Стыдись!

— Отецъ, я умру! умру!

— Дитя! лучше умереть, чѣмъ не исполнить законъ пророка нашего, великаго святого Магомета. Умрешь — твоя смерть будетъ гордостью для насъ; твой отецъ будетъ гордиться своимъ сыномъ, который умеръ отъ поста. Не всякому выпадаетъ на долю счастливая смерть мученика, и рай Господень будетъ открытъ для тебя.

Отецъ оборачивается и видитъ грустное лицо сына, готового заплакать.

— О, сынъ мой! гдѣ гордость твоя? спитъ она въ груди твоей... Какъ пробудить мнѣ въ тебѣ эту нашу родовую гордость, съ которою твой дѣдъ умеръ отъ руки палача за то, что не хотѣлъ выдать хану товарища? гдѣ остатки той гордости, что помогла твоему предку Али сбросить съ своего плеча поганую руку побѣдителя-разбойника, бравшаго дань съ нашего аула? Внука ли ты великаго дѣда, потомокъ ли ты Али?

Старикъ съ негодованіемъ отвернулся. Мальчикъ думалъ о его словахъ, повторялъ ихъ, а самъ чувствовалъ, какъ мучительно хочется ему пить. Дома постъ исполнить не такъ трудно: весь день можно пролежать въ тѣни; но здѣсь — въ дорогѣ, на солнцѣ...

Вотъ и колодець. Мальчикъ прыгнулъ съ верблюда. Этотъ колодець вырылъ давно святой Абдулла, и сотни путниковъ благословляютъ теперь его имя и молятъ Господа о душѣ его.

— Вотъ тутъ, говоритъ отецъ, — надъ этимъ колод-

цемъ, вырытымъ руками святого Абдуллы, ты можешь понять всю ничтожность твоей муки. Вотъ это мука, это трудъ—среди песковъ и зноя вырыть такой глубокий колодець!... Много путниковъ страдаетъ отъ жажды въ пустыняхъ бухарскихъ, сколько гибнетъ ихъ отъ нея безъ памяти и покаянія, и человѣкъ, который выроетъ хоть одинъ колодець въ пескахъ этой дикой пустыни, будетъ угодень Господу, и, какъ бы ни велики были его грѣхи, все же благодарственныя молитвы успокоенныхъ, страдальцевъ отмолятъ ихъ. Помолимся и мы за душу Абдуллы!

Старикъ всталъ на колѣни, а мальчикъ за нимъ,—но онъ не слушалъ словъ молитвы: онъ глубоко задумался. Напиться!.. великое счастье—напиться холодной воды.

Кончена молитва. Мальчикъ кидается къ колодцу, ложится на песокъ и, свѣсивъ внизъ голову, жадно дышитъ свѣжею влагой.

Старикъ сердито посмотрѣлъ на сына. Онъ досталъ ведро и, привязавъ его къ веревкѣ, зачерпнулъ воды; вода такъ и свѣтится, блеститъ, стекаетъ по краямъ на песокъ и мигомъ всасывается. Верблюдь вытягиваетъ шею: онъ ждетъ, онъ знаетъ, что это ему. Онъ присасывается къ ведру и жадно пьетъ: У мальчика сжимается горло; изъ глазъ его льются горькія слезы, онъ молить:

— Отецъ, дай мнѣ хоть глотокъ воды!

— Нѣтъ! ты не сынъ муллы Худай-Шикура! Стыдись!

Мальчикъ отвернулся, и вотъ думаетъ онъ: „мы здѣсь останемся отдохнуть, отецъ уснетъ — и я напьюсь“. Но отецъ точно читаетъ въ его мысляхъ; онъ привязалъ ведро къ сѣдлу и, взлѣзая на верблюда, тихо, но строго сказалъ сыну:

— Не вздумай напиться тайно! Я бы тогда проклялъ тебя: ты мнѣ тогда больше не сынъ!

Мальчикъ сѣлъ на свое мѣсто, и не слезы, а горькія рыданія вырываются изъ его груди. Отецъ злобно соска-

кивается съ верблюда и, съ презрѣніемъ зачерпнувъ въ ведро воды, протягиваетъ его къ сыну.

— Такъ нѣ же пей! Ты не мужчина! ты жалкій рабъ своихъ желаній! Не хочу больше, чтобы ты постился! Ну, пей же!

Мальчикъ отвернулся; щеки его вспыхнули, а потомъ поблѣднѣли.

Отецъ вылилъ воду и съ торжествомъ поглядѣлъ на сына. О, онъ зналъ своего мальчика! онъ зналъ, что сынъ его не потерпитъ униженія и не нарушитъ закона Магомета.

Молча двинулись наши путники. Отецъ не слышитъ больше отъ своего сына ни жалобъ, ни стонѡвъ.

Время идетъ. Путники подвигаются все впередъ и впередъ. Старикъ и самъ изнемогалъ отъ жажды, а за его спиной едва виднѣется согнувшаяся фигурка мальчика; грустные черные глазки его закрыты, головка повисла на грудь, мысли спутаны: онъ ужъ не чувствуетъ ни жажды, ни жара. Въ ушахъ его шумъ и звонъ; то видятся ему тѣнь и вода, то чудятся какія-то страшныя чудовища...

— Сынъ мой! что ты совсѣмъ пріумолкъ и не шевельнешься?

Мальчикъ слышитъ слова отца, онъ силится отвѣтить, но языкъ не слушается, губы не шевелятся; онъ хочетъ простонать, но горло пересохло и голосъ пропалъ...

Старикъ Худай-Шикуръ обернулся къ сыну. Лицо мальчика было блѣдно, безжизненно. Старикъ тронулъ его за плечо. Мальчикъ открылъ вѣки и мутными глазами поглядѣлъ на отца, но сейчасъ же снова закрылъ ихъ.

Старикъ дрожитъ, онъ въ ужасѣ; отчаяніе, жалость разомъ наполнили его сердце. Онъ остановилъ верблюда, соскочилъ наземь, положилъ ребенка на песокъ и, поднявъ руки къ небу, въ отчаяньи сталъ плакать и стонать:

— Онъ умираетъ, уходитъ отъ меня навѣки! Я не увижу его больше никогда!

Сердце старика разрывалось на части.

— Боже мой, молитъ онъ, — будь милосердъ, отдай мнѣ моего сына! Боже, отдай! Я говорилъ, — о, прости мнѣ эти глупыя слова! — я говорилъ, что лучше умереть, чѣмъ напиться, но я не зналъ, что это такъ ужасно терять на вѣки любимаго сына, единственное сокровище. Велики ли его грѣхи, чтобы ему замаливать ихъ такими мученіями? Вѣдь ему всего девять лѣтъ!

Бѣдный старикъ дрожалъ и плакалъ. Онъ забылъ свои упреки и наставленія и понесся во весь духъ на своемъ верблюдѣ обратно къ колодцу. Въ рукахъ его ведро. Неуклюжее животное словно понимаетъ — и мчится изо всѣхъ силъ; его длинныя ноги вытягиваются, точно крылья.

И вотъ старикъ снова надъ сыномъ. Въ его рукѣ ведро, наполненное водою, онъ поливаетъ ею голову и грудь мальчика, но черныя глазки не смотрятъ, грудь почти не подымается.

— Сынъ мой! очнись, выпей воды. Я былъ жестокъ; такая жестокость не угодна Господу, — не надо умирать!

Мальчикъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на отца, на воду, потомъ на небо: солнце еще высоко; онъ тихо отстранилъ ведро съ водою и снова закрылъ свои глазки.

— Выпей, сынъ мой! Господь милосердъ, Онъ проститъ. Я былъ не правъ: такія мученія не нужны Господу. Вспомни, когда Авраамъ совсѣмъ былъ готовъ заколотъ Исаака, то Господь остановилъ руку его: Онъ не хотѣлъ жертвы, Онъ только хотѣлъ испытать его.

Старикъ ломалъ себѣ руки, онъ билъ себя въ грудь, онъ говорилъ, умолялъ, — но мальчикъ только качалъ головою. Вотъ онъ совсѣмъ затихъ; тяжелый долгій вздохъ вырвался изъ груди его — и затѣмъ все стихло.

Старикъ вскрикнулъ, бросилъ ведро и, припавъ къ трупъ сына, такъ и остался лежать, обхвативъ его шею руками.

Верблюдъ постоялъ и ушелъ искать себѣ пищи.

Прошло два дня. По той же самой дорогѣ тянется караванъ. Увидя двухъ лежащихъ на пескѣ путниковъ, люди сошли со своихъ верблюдовъ и узнали въ мертвыхъ муллу и его сына. Знали они, что мулла Худай-Шикуръ, строгій постникъ и блюститель Магометова закона, былъ въ дорогѣ во время уразы, и поняли, какъ и отчего погибли отецъ и сынъ.

Они окружили трупы и стали молиться, а потомъ мужчины вырыли могилу, а женщины, окруживъ умершихъ, плакали надъ ними и пѣли грустныя пѣсни. Женщинамъ было жаль маленькаго мальчика, и каждая изъ нихъ думала про себя, что она бы не дала умереть своему сыну ради поста и напоила бы его водою: зачѣмъ умирать, когда можно жить и быть добрымъ и честнымъ и сдѣлать еще много въ жизни добра!

Вскорѣ на мѣстѣ, гдѣ лежали старикъ и сынъ его, образовался высокій холмъ.

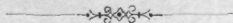
— Это святыя, это мученики за вѣру и законъ, и пусть всякій путникъ знаетъ, что здѣсь похоронено двое—умершихъ со славою, истинныхъ мусульманъ!

Съ этими словами мужчины воткнули въ песокъ холма два шеста—одинъ побольше въ честь отца, и другой поменьше—въ честь мальчика.

Всѣ подходили, кланялись могилѣ, каждый отрывалъ отъ одежды своей лоскуточекъ и привязывалъ ихъ къ шестамъ. Скоро шесты были совсѣмъ увѣшаны лоскуточками и ленточками.

Прошли года. Имя муллы Худай-Шикюра и его сына стало извѣстно всѣмъ въ окрестности. На могилѣ ихъ лежалъ большой камень, на которомъ крупными буквами было высѣчено:

„Лучше умру, чѣмъ нарушу волю Божию!..“

АДРЕСЪ

Для подписки на газету и корреспонденции: Троицко-Савскъ, редакція газ. «Байкаль».

Для телеграммъ. «Троицко-Савскъ—Байкаль».

Контора редакціи открыта съ 9 час. утра до 6 час. вечера кромѣ праздниковъ.

БАЙКАЛЬ

ВЫХОДИТЬ ВЪ КЯХТѢ
по Воскресеньямъ, Средамъ и Пятницамъ
кромѣ дней послѣпраздничныхъ.
ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ЦѢНА

съ доставкой и пересылкой
На 1 годъ . . . 6 р.
На полгода . . . 4 р.
На 1 мѣсяцъ . . . 75 к.
Отдѣльный № . . . 10 к.
Иногороднія объявленія печатаются по 15 к. за строку цѣны и за строку текста. На первой страницѣ цѣна двойная. Разсылка объявленій на отдѣльныхъ листахъ по 5 р. за 500 экземпляровъ.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или имѣющихъ свои главные конторы или правленія во всѣхъ мѣстахъ за границей и Россійской имперіи, за исключеніемъ Сибири и Азіатской Россіи, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій торгового дома Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ Мясницкая, домъ Сытова и его отдѣленія: въ Варшавѣ, Краковское предмѣстье, 53; въ С.-Петербургѣ, на Морской, 11.

Рукописи должны доставляться съ адресомъ и полною подписью автора; имя и фамилія подъ статьями будутъ печататься по желанію. Въ статьи и замѣтки, въ случаѣ надобности редакціей сокращаются и исправляются; безъ обозначенія условій вознагражденія считаются безплатными; ненапечатанныя возвращаются по востребованію и за счетъ автора.

ТЕЛЕГРАММЫ

Петербургскаго Телеграфнаго Агентства.

Именной Высочайшій указъ правительствующему сенату отъ 6 мая.

Озабочиваясь неотложнымъ удовлетвореніемъ насущныхъ нуждъ сельскаго населенія Имперіи, Мы повелѣли 30 мар. с. г. учредить особое совѣщаніе о мѣрахъ по укрѣплѣнію крестьянскаго землевладѣнія, поручивъ сему совѣщанію выяснить дѣйствительные способы къ упроченію земельного строя крестьянъ, при непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ. Въслѣдствіе тѣмъ, въ видахъ успѣшнаго исполненія предуказанной особому совѣщанію задачи, требующей, независимо отъ законодательныхъ мѣропріятій, обширной постоянной распорядительной дѣятельности въ порядкѣ управленія, мы признали за благо сосредоточить относящіяся къ вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія въ одномъ самостоятельномъ въ составѣ центральныхъ государственныхъ установленій вѣдомствѣ, учредивъ на ряду съ нимъ для общаго руководства дѣлами въ земельномъ обезпеченіи крестьянъ комитетъ по означеннымъ дѣламъ. Съ вослѣдованіемъ намѣченнаго преобразованія предстоящія особому совѣщанію законодательныя работы должны быть поставлены въ ближайшую связь съ дѣятельностью вновь образованнаго вѣдомства съ возложеніемъ на совѣщаніе обязанности выработать и представить на Наше утвержденіе наказъ для руководства новому вѣдомству въ вопросахъ крестьянскаго землевладѣнія. Ожидая, что предначертанныя Нами измѣненія въ порядкѣ центрального завѣдыванія дѣлами въ земельномъ обезпеченіи крестьянъ облегчатъ правильное, согласное съ общими видами государства потребностями населенія, разрѣшеніе сихъ дѣлъ, повелѣваемъ:

1, для общаго руководства дѣлами въ земельномъ устройствѣ крестьянъ учредить комитетъ по земельнымъ дѣламъ подъ предсѣдательствомъ лица, довѣреннаго Намимъ къ сему призваннаго изъ министровъ: Императорскаго Двора и Удѣловъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи и государственнаго контролера, а также главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ и членовъ по непосредственному избранію Нашему;

2, къ предметамъ вѣдѣнія комитета по земельнымъ дѣламъ отнести: а, общее руководительство всѣми земельными и переселенческими дѣлами; б, касающееся

земельнаго устройства крестьянскаго по дѣйствующему закону учр. комиссіи мин. изд. 1892 г. ст. 24 подлежить вѣдѣнію комитета министровъ, смѣтные предложенія по дѣламъ крестьянскаго землевладѣнія и по переселенческому дѣлу, разсматриваемыя съ комитетомъ въ соединенномъ присутствіи комитета, департамента государств. экономіи и государств. совѣта; г, вопросы, относящіяся къ общему направленію дѣятельности учрежденія земельного кредита; д, годовые отчеты государственнаго дворянскаго земельного и крестьянскаго поземельнаго банковъ, вносимые министромъ финансовъ на разсмотрѣніе сихъ отчетовъ, въ видахъ согласнаго съ государственною пользою направленія и дѣятельности сихъ учреждений;

3, управленіе дѣлами комитета возложить на главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ съ сосредоточеніемъ дѣлопроизводства по симъ дѣламъ подвѣдомственнымъ ему главнымъ управленіямъ; 4, предоставить предсѣдателю комитета по земельнымъ дѣламъ выработать и представить на Наше утвержденіе проектъ положенія въ семь комитетѣ; 5, министерство земледѣлія и государств. имуществъ преобразовать въ главное управленіе землеустройства и земледѣлія на нижеслѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: а, выдѣлать изъ состава сего министерства и передать въ министр. финансовъ установленія по горной части съ оставленіемъ за вновь образуемымъ главн. управленіемъ обязанности завершенія поземельнаго устройства горнозаводскаго населенія; б, присоединить къ составу новаго главнаго управленія переселенческое управленіе министерства внутр. дѣлъ; в, передать главн. управленію изъ министерства внутр. дѣлъ связанныя съ вопросомъ о землеустройствѣ и землепользованіи инородцевъ и сельскихъ обывателей различныхъ наименованій также дѣла и ограниченія въ крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ; г, предоставить особому совѣщанію о мѣрахъ къ укрѣплѣнію крестьянскаго землевладѣнія выработать и внести на Наше утвержденіе проекты и указы главному управленію по землеустройству и земледѣлію по вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія и инструкціи по крестьянскому поземельному банку, относительно основаній и порядка его дѣятельности; 7, поручить главноуправл. землеустр. и земледѣліемъ представить установленнымъ порядкомъ на уваженіе государств. совѣта проектъ учрежденія и штата подвѣдомственнаго ему главн. управленія въ связи съ предположеніями о тѣхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ законахъ, кои вызываются настоящимъ преобразованіемъ; 8, учрежденный по повелѣнію Нашему отъ 11

и трехъ таковыхъ же дочерей отъ 28 до 19 лѣтъ. Последнія живутъ въ прислугахъ въ Троицкосавскѣ и Ургѣ. Въ сельскомъ быту взрослые дѣти, какъ извѣстно, капиталъ. Ни одинъ изъ дѣтей Фроловой не можетъ быть названъ кретиномъ, о чемъ свидѣлствуетъ получаемое ими жалованье. (Кто дастъ крестину 5 р. на готовомъ содержаніи?) Я увѣренъ, что г-жа Фролова будетъ крайне обижена, если узнаетъ, что Вы ея Кешеньку печатно назвали кретиномъ, т. е. полнымъ дуракомъ, уродомъ, и не смотря на свое «простодушіе», потребуетъ съ васъ «за безчестіе». Я прекрасно знаю это милое семейство, но отъ критики воздерживаюсь.

Не могу однако не пожалѣть васъ, г. Солонъ, что и на этотъ разъ кто-то (не Иннокентій же Фроловъ? Едва ли бы вы рѣшились писать корреспонденцію со словъ человѣка, такъ мѣтко вами охарактеризованнаго?) ввелъ васъ въ заблужденіе и заставилъ, противъ ожиданія, понасть впросакъ. Жалобы, слышанныя вами, вызваны вовсе не ругой, а нѣкоторыми другими обстоятельствами. Дѣло въ томъ, что чрезъ мои руки проходятъ пожертвованія казачьимъ семействамъ, а Фролова пособія отъ меня не получала, какъ и нѣкоторыя другія лица, на что были основательныя причины. Въ этомъ то и причина ихъ неудовольствія ко мнѣ. А вы обрадовались случаю, будто Америку открыли, и рѣшились дать иллюстрацію вопросу, о которомъ существуетъ цѣлая литература. На дѣлѣ же вышло, что «на всякаго мудреца довольно простоты»: болѣе 20000 священниковъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ, сотни лѣтъ получаютъ съ своихъ прихожанъ ругу, а вы, со словъ какой то бабушки, одного меня дѣлаете отвѣтственнымъ за это вѣковое зло? Такой несправедливости подлинный Солонъ не сдѣлалъ бы, я въ томъ увѣренъ.

Надѣюсь на этомъ покончить нашу интересную полемику.

Священникъ В. Бѣлтюковъ.

Современная лѣтопись Кяхты-Троицкосавска.

— Въ воскресенье, 8 мая, въ мѣстномъ соборѣ имѣютъ состояться слѣдующія нравственно-религіозныя чтенія: «О богослуженіи въ первый день св. Пасхи», «О пасхальномъ привѣтствіи, о взаимномъ лобызаніи и объ обычаѣ дарить другъ другу красныя яйца» и «Зачѣмъ?», назидательный рассказъ изъ дѣйствительной жизни Е. А. Вороновой. Прочтутъ прот. М. Сизой и свящ. П. Поповъ.

— Намъ сообщаютъ, что принцъ Фридрихъ Леопольдъ прибылъ въ Ургу 6 мая. Пріѣздъ въ Кяхту предполагается числа 10—11-го.

— Слѣдуетъ обратить вниманіе на несоблюденіе правилъ ѣзды по городу и дорогѣ между Троицкосавскомъ и Кяхтой: ѣздить часто не по правой сторонѣ и сворачиваютъ не вправо; длинные обозы часто совершенно загораживаютъ дорогу для проѣзда.

— Изъ телеграммы о тиражѣ мы печатаемъ только о главныхъ, а въ 5 тыс. и тысячныхъ выигрышахъ исправленія цифръ такъ и не могли добиться.

— Обѣ здѣшнія казенныя винныя лавки закрыты еще ранѣе Пасхи, а пьяныхъ по улицамъ встрѣтите всегда, особенно въ праздники. Чѣмъ это объяснить? Господа чины акцизные — разъясните! Бюрократизмъ все спитъ и на примѣръ и не до думался, даже до того чтобы не томить потребителей всѣхъ классовъ долгимъ ожиданіемъ монополюшки, вывѣсивать на винныхъ лавкахъ объявленія: можно-ли, когда и въ какомъ количествѣ ожидать доставленія влаги, ея же веселіе Руси пити. А то порождаются лишь разспросы, да толки и нареканія...

ФЕЛЬЕТОНЪ.

За Каспіемъ.

Вотъ и полпути, а собственно, гдѣ же города? Все станціи. Мервъ да Асхабадъ въ области важнѣйшіе города. Мервъ основанъ въ 1884 г., когда жители оазиса мирно сдались русскимъ; видѣли они всю тщетность борьбы, не захотѣлось имъ даромъ кровь проливать. Городъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Мургаба. По правому берегу торговый городъ, по лѣвому административно-военная часть города. Населеніе около 9000 человѣкъ. Вообще всѣ эти желѣзнодорожныя городки плохо растутъ и мало населены.

Рѣка Мургабъ вытекаетъ изъ Афганистана, по русскимъ вѣдѣніямъ она пробѣгаетъ 8506 в. Ширина у плотины Каушутъ-ханъ-бентъ достигаетъ до 23 саж., подъ Мервомъ значительно уже около 12 саж. Рѣка до крайности капризна. Въ нѣсколь-

кихъ десяткахъ верстъ отъ Мерва находится Государево имѣніе. Для урегулированія орошенія построена знаменитая плотина Султанъ-Бентъ! Знаменита она тѣмъ, что аккуратно каждый годъ прорывалась. Стараются люди, деньги тратятъ, судятъ, рядятъ, думаютъ, строятъ, мучаются; построятъ—успокоятся, но вотъ пришла весна: зоветъ къ себѣ Мургабъ на помощь ручейки и потоки горные, солнышко грѣетъ, снѣжокъ таетъ; потоки спѣшатъ, мчатся къ Мургабу, и тотъ съ удесятенной силой бросается на сооруженіе рукъ человѣческихъ и все уноситъ все губить эта стихійная сила, разливается и засыпаетъ камнями, затягиваетъ пескомъ, огромныя пространства... Иногда, какъ на примѣръ въ 1903 году такъ расшалилась эта рѣчка, что угрожала и Мервъ унести...

Государево имѣніе учреждено съ 1887 года, что бывновъ оживить нѣкогда цвѣтущій оазисъ—теперь загложіи. Въ составъ имѣнія словами Высочайшаго указа включены: «всѣ впустѣ лежащія земли по теченію р. Мургаба, на которыя по сооруженіи плотины извѣстной подъ названіемъ Султанъ-бентъ, возможно распространить орошеніе безъ ущерба однако же для прочихъ уже орошаемыхъ водами этой рѣки частей мервскаго оазиса». Въ настоящее время имѣніе занимаетъ свыше 100000 десятинъ. Разбросаны хутора, заселены преимущественно «таранчами» изъ Семирѣчья. Есть цѣлый городокъ, гдѣ живетъ администрація и служащіе, тутъ и виноградныя сады, роши миндальныя, огороды. Сѣютъ хлопокъ и пшеницу.

Изъ Мерва идетъ небольшая вѣтвь на «Кушку», назыв. Мургабская ж. д. вѣтвь. Построена въ 1900 г. со стратегическою цѣлью. Длина вѣтви 293 версты, идетъ на юго-востокъ по лѣвому берегу рѣки Мургаба, постепенно повышаясь надъ уровнемъ моря, сначала 116 с., а потомъ у станціи Кушка доходитъ до 303 с. надъ уровнемъ моря...

Съ правой стороны необозримые Кара-кумы—это ужасные пески, въ нихъ нѣтъ спасенія, нѣтъ надежды. А между тѣмъ есть же памятники былой жизни, но никто ничего не знаетъ о нихъ. Сколько преданій погребено этими песками! Никому неизвѣстны «калы»—крѣпости попадаютъ по дорогѣ; кто строилъ ихъ когда? Гдѣ эти люди? Что видѣли они, эти «черные пески»; молчатъ пески—нѣтъ этихъ людей. Какія тайны унесли они съ собою вмѣстѣ въ могилу.

Между этими развалинами есть и развалины «старого Мерва»... Когда видишь эти развалины, глубокое волненіе овладѣваетъ тобою: вотъ онъ, вотъ городъ на которомъ слѣды минувшихъ вѣковъ. Многострадательный городъ. Стоятъ безмолвныя развалины, не отгадать вамъ всѣхъ тайнъ, что носятся надъ этими горами обломковъ. Луна заглянетъ: черныя тѣни смѣшаются съ тѣнями прошлаго и жутко, и тихо... Послушай! Здѣсь камни вопіютъ объ ужасахъ прошлаго. Это не груды безформенныхъ массъ—это окаменѣлая исторія. Сколько разъ его—этотъ городъ разрушали; но жизнь шла своей дорогой, года проходили и снова оживалъ городъ и снова все цвѣло и процвѣтало. Теперь не воспринетъ больше этотъ «старый Мервъ»: дерево срублено, на его старомъ пнѣ молодые побѣги, но мнѣ всегда жаль стараго!.. Постой! Что же говорятъ камни?—Они говорятъ что судьба этого города замѣчательна. Между Ираномъ и Тураномъ богатый и цвѣтущій, онъ былъ стремленіемъ каждаго завоевателя. Побѣдивъ и конечно, разрушивъ почти всегда, побѣдитель строилъ около крѣпость, по близости образовывалось поселеніе. Побѣдитель начиналъ мирно править, жители возвращались, возобновляли разрушенныя жилища и все опять цвѣло и зеленѣло. Образовалась въ концѣ концовъ масса городищъ и теперь это громадныя развалины занимающія обширнѣйшую площадь.

Въ древнихъ книгахъ Персовъ, за 2500 лѣтъ до Р. Х. Мервъ считался третьимъ городомъ міра, послѣ Балха и Герата. Ормуздъ, Богъ персовъ, создалъ земной рай и это былъ Мервъ. Всякъ живъ стремился туда! Начиная съ ассирійскаго царя Нина, персидскаго царя Кира—Мервъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Владѣлъ имъ и Александръ Македонскій, оставивъ по себѣ городище «Искандеръ—калу» и несторіане во главѣ съ епископомъ, оставивъ по себѣ городище подъ названіемъ «Гяурсъ-Кала». Наконецъ въ X вѣкѣ арабы.

Владѣлъ имъ и сказочный Гарунъ Аль-Рашидъ, абиссинскій государь и сынъ его Мамунъ. Наконецъ въ XII вѣкѣ имъ завладѣли узбеки. Много разъ онъ процвѣталъ и разрушался, но апогея своей славы достигъ онъ только при Сельджукидахъ, династии просвященныхъ владыкъ, особенно при султанѣ Санджарѣ. Его постройки, доселѣ еще сохранились и говорятъ и о могуществѣ, и славѣ своихъ строителей. На примѣръ мечеть «Султанъ Санджаръ» въ городищѣ «Султанъ-Санджаръ Ханъ-Кала». Тутъ и покоится тѣло этого султана, поистинѣ замѣчательна-

го. Онъ построилъ знаменитую плотину «Султанъ-Бентъ»,—плотину не побоявшуюся вѣковъ.

Намъ неизвѣстенъ секретъ старыхъ построекъ, да и неловко какъ то брать уроки у некультурныхъ азіатовъ, тогда какъ современная наука строительнаго искусства, пошла теперь такъ далеко, но какъ бы то ни было, а плотина эта стоила дешево и держалась вѣка; отъ этой плотины зависѣло орошеніе стараго Мерва, построилъ ее знаменитый султанъ въ XII вѣкѣ по Р. Х., а разрушена она въ XVIII вѣкѣ и никто ужъ не могъ возстановить ее, и рукъ такого количества не было, да и не знали какъ. Простояла же она шесть вѣковъ, попросту—безъ затѣй строена, а теперь не могутъ и на одинъ годъ укрѣпить...

Приходили враги, прорывали плотину, городъ, оставшись безъ воды, сдавался и снова плотину исправляли, ни смѣтъ, никакихъ плановъ не надо было, ни комиссій, ни изысканій. Арабскій географъ Якутъ, пробывши въ Мервѣ съ 1216 по 1219 годъ не можетъ нахвалиться городомъ: его роскошью, его библиотеками съ древнѣйшими книгами, его удивительными учеными и его благочестіемъ, а въ 1219 году Мервъ уже былъ разрушенъ Тули-ханомъ ужаснымъ варваромъ съ полчищами монголовъ, Тули-ханомъ, сыномъ «бича народовъ» Чингизъ-хана.

При этомъ разрушеніи погибло все какъ при изверженіи вулкана и 1300000 жителей. Долго городъ лежалъ въ развалинахъ. Только въ XV вѣкѣ при Шахрахъ сынѣ Тамерлана Мервъ снова возродился къ прежнему величію. Такъ благоденствовалъ онъ до XVIII вѣка. Тутъ началась предсмертная агонія этого многострадальнаго города. Владѣли имъ и узбеки, и персы, и бухарцы, и хивинцы, и Афганистанъ, кровь лилась, жители не успѣвали поспѣвать, какъ полчища враговъ все затапывали. Мервъ переходилъ изъ рукъ въ руки, иногда даже былъ самостоятеленъ и не смотря на такую бурю бѣдъ къ концу XVIII вѣка онъ было оправился, но пришли бухарцы и окончательно добились жителей разрушили плотину, буквально не оставили камня на камнѣ и слѣдали Мервъ мѣстомъ ссылки своихъ преступниковъ. Мѣсто это называлось Байрамъ-Али, жалкое городище Байрамъ-Али-ханъ-кала. Когда по Азіи пронесся слухъ о русскихъ, то мервцы построили противъ русскихъ крѣпость въ 1873 г. Каушутъ ханъ-кала.

Сейчасъ Мервъ обыкновенный русскій военный городокъ съ вокзальной жизнью, «фаэтонами», армянскими магазинами и «казенными учрежденіями».

Но теперь Мервъ тоже славится—славится онъ злѣйшими лихорадками... Маляріей, самой ужасной формой ея, формой желудочной, которая навсегда портитъ кишки, перерождаетъ селезенку, лихорадкой «желтой», которая убиваетъ печень, тифозной, сопровождающейся конвульсіями и т. д. и наконецъ, «трясучкой», самой легкой формой лихорадки. Я говорю языкомъ народнымъ, съ точки зрѣнія медицины это какъ нибудъ иначе надо выразить, но какъ ни выражай, а только люди тамъ, начиная съ апрѣля и до сентября, мрутъ какъ мухи послѣ отравы, особенно солдатики и дѣти. Единственное спасеніе—бѣжать куда глаза глядятъ, а иначе нѣтъ возможности избѣжать злой участи; самъ покойный консулъ «Бухары» вывезъ оттуда «желтую» лихорадку, не могъ отдѣлаться и умеръ. «Попалъ ты въ Мерву, не быть тебѣ живу. «Дѣти», вывезенныя оттуда, остаются калѣками на всю жизнь. Я сама знаю дѣвочку, у которой катаръ кишекъ и перерожденіе печени, а ей всего 11 лѣтъ... Солдатики—какъ уцѣлѣютъ, выходятъ изъ Мерва, похожи на мертвецовъ и долго не могутъ оправиться у себя на родинѣ. По статистикѣ, каждый житель заболѣваетъ два раза въ годъ маляріей, то есть бурными проявленіями съ жаромъ въ 40°, а все остальное время «она» въ немъ сидитъ и незамѣтно его ѣстъ и точитъ. Разыгривается она въ жары лѣтомъ, весной при поливкѣ клевера и осенью, когда поспѣваетъ джугара, которую тоже надо обильно поливать, и вода стоитъ и гниетъ.

Вообще надо сказать, что немного городовъ по Закаспійской желѣзной дорогѣ, но каждый имѣетъ свой особый признакъ: Мервъ—лихорадки, Асхабадъ—пендинку, Бухара—риштру...

В. Губаревичъ.

Послѣднія телеграммы.

Отъ 3 мая.

Лондонъ. Ллойдъ сообщаетъ изъ Сингапура: пароходъ „Догестинъ“ доноситъ, что у острова Гейхала въ Малакскомъ проливѣ сталъ на якорь и исправляется транспортъ, предполагаютъ, что русскій.

Парижъ. „Журналь“ печатаетъ бесѣду своего корреспондента Нодо съ графомъ Окума, заявившимъ, что Того сознаетъ силу противника и озабоченъ предстоящей битвой; однако Окума твердо рѣшить окончательную побѣду Японіи; непремѣннымъ условіемъ мира будетъ разоруженіе Владивостока и превращеніе его въ коммерческій портъ.

Токіо. Рейт. Здѣсь полагаютъ, что если слухъ о занятіи Германіей бухты Хайчжоу окажется вѣрнымъ, то это приведетъ къ серьезнымъ осложненіямъ; положеніе обострилось въ связи съ движеніемъ балтійской эскадры; надѣются на выясненіе вопроса и улучшеніе положенія.

Шанхай. Слухъ о высадкѣ германскихъ войскъ въ Хайчжоу считается сомнительнымъ, полагаютъ вызванъ осмотромъ гавани германскими кононерками.

Берлинъ. Вольфъ. Слухъ о занятіи Хайчжоу германскими войсками опровергается изъ официальныхъ источниковъ.

Либавъ. 3 мая. Обычная жизнь возстановилась, вездѣ работаютъ; на станціи Митава въ послѣдніе два дня апрѣля и первые два дня мая были уличные беспорядки, прекращенные безъ кровопролитія. Въ 6 ч. вечера на улицѣ смертельно раненъ кинжаломъ сыщикъ, передъ смертью успѣлъ назвать убійцъ. Сегодня въ городѣ спокойно, работы возобновились.

Рига. Вчера въ 11 ч. вечера въ саду городского парка разрывнымъ снарядомъ тяжело ранены околоточный и городовою, послѣдній скончался; другой городовою, преслѣдовавшій преступниковъ, бросившихъ снарядъ, убить четырьмя выстрѣлами изъ револьвера.

Тверь. Войска преградили попытку манифестантовъ пройти съ краснымъ флагомъ по городу, безъ столкновенія; манифестанты разошлись, городъ охранялся разѣздами драгунъ; на фабрикахъ расположены войска, общее настроеніе рабочихъ мирное; фабричными устроены манифестаціи въ ильинскихъ деревняхъ въ Тверскомъ уѣздѣ, крестьяне отнеслись къ нимъ пассивно.

Отъ 4 мая.

Токіо. «Дейли тел.» Японія обратилась къ Франціи съ третьимъ протестомъ по поводу сообщенія, будто балт. эскадра вышла изъ Хонкое, а теперь съ точностью удостовѣрено, что эскадра снова вошла въ бухту 29 апр. Сюда сообщаютъ изъ Гонконга: Въ Сингапурѣ приняты мѣры на случай обороны, этому обстоятельству въ связи съ сосредоточеніемъ британской эскадры въ китайскихъ водахъ здѣсь придается значеніе демонстраціи со стороны Великобританіи. Русскій отрядъ въ 4000 человекъ перешелъ Тумень и составляетъ теперь сторожевой постъ. Въ виду берега появляются владивостокскіе миноносцы.

Циндао. Сообщеніе о занятіи Хайчоу—совершенный вымыселъ. Объясняется тѣмъ, что фирма Дитрихъ Ипсенъ учредила правильные пароходные рейсы между Цинтао и Хайчоу, съ каковой цѣлью германскій миноносецъ производилъ промѣры.

Кронштадтъ. Приказомъ главнаго командира флотовъ и портовъ Балтійскаго моря предписано приготовить къ плаванію суда четвертой эскадры къ 1 іюня, принявъ самыя энергичныя мѣры и, если потребуются обстоятельствами, работая день и ночь въ двѣ смѣны.

Шанхай. Даотай обратился къ вайвуну съ просьбой разрѣшить назначить особаго таможеннаго комиссара, съ цѣлью надзора за контрабандой, идущей изъ Шанхая. Мѣра вызвана протестами японскаго консула противъ судовъ, якобы идущихъ съ углемъ на соединеніе съ русской эскадрой.